

28. Жара. Погоня

продолжается

Гриф парит над Финз, Страной Стоящих Скал. В парении жизнь грифа, в смерти — его обед. Злой грязный черный мусорщик, охотящийся за мертвыми, за смертью, его плешивая красная голова и голая шея — так лучше вонзать жадный клюв в кишки жертвы — питается разлагающейся плотью. *Cathartes aura*, его латинское наименование, происходит от греческого *katkarsis*, что значит очищение, и *aura*, что значит воздух, пар. Очиститель воздуха.

Птица солнца. Созерцатель. Единственная философствующая птица, и его безмятежное и невыносимое спокойствие. Покачиваясь на своих угольно-черных крыльях он наблюдает за стальной стрекозой, которая методично движется туда-сюда над горами, над Стоящими Скалами, создавая жуткий неподходящий шум.

Гриф поднимается кругами все выше и склоняет свою морщинистую голову, чтобы посмотреть с живым интересом на три тысячи футов вниз, на четырех жалких бескрылых двуногих, которые суетятся, как мыши в замкнутом лабиринте, меж двух красных каменных стен. Они украдкой перебегают из одной тени в другую, как будто песок внизу слишком горяч для их ног, как будто спрятавшись от солнечных лучей они спрячутся от внимательных глаз в небе. Двое из этих существ хромают, и у грифа возникают мысли о закуске, вызывая воспоминания о мясе. Хотя все четверо пока живы и движутся, всем ясно, думает гриф, что там, где есть жизнь, есть также и смерть — и надежда. Он снова кружит над ними, чтобы получше рассмотреть.

Но их уже нет.

— Я не знаю как они смогли посадить такую штуку в такой маленький каньон, — сказал он, — и что бы я еще сказал, — это вредно для нервной системы. Я весь на нервы изошел.

— Я проголодалась, — сказала она, — и натерла ноги.

— Когда они еще раз попробуют, я их собою, — сказал Хейдьюк. Он держал ружье в руках. Гордое надежное оружие. Приклад орехового дерева отполирован его руками, снайперский прицел иссиня-черный, ствол, затвор и ствольная коробка мягко блестели. Спуск, предохранитель, рукоятка, точность движений когда он заглядывал в пороховую камеру, щелчок при закрытии и возврате курка. Щелк. Семь патронов в магазине, ни одного в затворе.

— Я проголодалась, сбила ноги и мне скучно. Не очень-то тут весело вокруг.

— Я надеюсь только на то, что они не заметили наши следы. Смогут ли они определить, что мы здесь внизу?

Смит, без шапки, с прилипшими волосами, выглянул из-под тени карниза в жару, в свет и посмотрел в сторону горячего камня, наклонной рыжей стены.

— Если бы они могли, я думаю, нам пришлось бы искать другую щель и весьма быстро. — Он вытер свое потное заросшее лицо красной косынкой, которая сразу потемнела от пота.

— Как насчет этого, Джордж?

— Не здесь. Может сверху, за изгибом. Или внизу, в каньоне. Эти сволочи могут подкрадываться к нам прямо сейчас. Винтовки заряжены картечью.

— Если они нас видели.

— Они видели нас. Если не видели, то увидят в следующий раз.

— Сколько человек могут поместиться в эту штуку?

— В эту модель — трое.

— А нас — четверо.

Хейдьюк горько улыбнулся.

— Да, четверо. С одним пистолетом и ружьем, — он повернулся к расслабленному доктору Сарвису. — Если только у Дока в аптечке тоже нет пистолета.

Док хмыкнул и отрицательно покачал головой.

— Может мы должны, — добавил Хейдьюк, — выстрелить по ним одним из шприцов Дока. По уколу димедрола в зад каждому, — он потер ушибленные суставы и содранную кожу ладоней.

— Тебе самому бы не помешал укол, — сказала Бонни.

— Не сейчас, — сказал Хейдьюк, — эта дрянь делает меня сонным. Сейчас спать нельзя, — после паузы, — как бы там ни было, вы можете поставить свой последний доллар на то, что они нас не видели и не вызвали по радио Команду. Эта компания в полном составе будет здесь через час, — после паузы. — Нельзя ждать заката.

— Я немного понесу ружье, — сказал Смит.

— Я сам.

— Как ты? — спросила Бонни у Хейдьюка. В ответ она услышала бурчание. Бонни сама была на грани теплового удара. Ее лицо пылало, влажное от пота, глаза были слегка сонными. Но

она выглядела лучше, чем разбитый Хейдьюк, в лохмотьях и перевязанных коленях и локтях, так что он шел, как собранный из деталей человек, сотворенный доктором Сарвисом монстр.

— Джордж, — сказал он, — давай я тебе сделаю еще один укол.

— Нет, — он умерил рычание. — Не сейчас. Подожди пока мы найдем щель получше, — он посмотрел на Дока. — Док?

Нет ответа; доктор лежал на спине, вытянувшись в самом глубоком углу ниши под скалой, его глаза были закрыты.

— Дай ему отдохнуть, — сказала она.

— Нам надо идти.

— Хоть десять минут.

Хейдьюк посмотрел на Смита. Смит кивнул. Они оба посмотрели вверх на узкую голубую полоску неба между стенами каньона. Солнце медленно плыло высоко в полуденном небе. Метлы и конские хвосты пара висели в жарком воздухе. В один из дней будет дождь. Должен быть.

— Я не сплю, — сказал Док с закрытыми глазами. — Через минуту встану, — он зевнул.

— Расскажи нам о войне, Джордж.

— О какой войне?

— О твоей войне.

— О той войне? — Хейдьюк улыбнулся. — Вам это не понравится. Редкий, где мы, черт возьми, находимся?

— Ну, я не уверен, но если мы в каньоне, а я думаю, это так, то мы в центре того, что называется Финз.

— Я думала мы в Мейз, — сказала Бонни.

— Еще нет. Мейз отличается от этого места.

— И как?

— Хуже.

— Эта война, — сказал Джордж Хейдьюк ни к кому конкретно не обращаясь, — ее хотят забыть. Но я им не позволю. Я никогда не позволю этим сволочам забыть ее. — Он говорил как во сне, как лунатик, говоря не с собой, а с каменной тишью пустыни. — Никогда, —

повторил он. — Никогда.

Остальные ждали. Когда продолжения не последовало, Бонни сказала Смит:

— Ты думаешь, мы сможем найти воду? Скоро?

— Бонни, детка, она и сейчас недалеко. Мы найдем воду где-нибудь наверху, а если нет, то вода ждет нас на теневой стороне скалы Лизард Рок. Вода и пища.

— Как далеко?

— Что?

— Как далеко до Лизард Рок?

— Если в милях, то я затрудняюсь сказать, учитывая, что придется обходить эти каньоны. Кроме того, я не уверен, что мы выберемся из этого каньона на другом конце, потому, что там тоже может быть отвесная стена. Возможно нам придется вернуться и обследовать все края каньона.

— Мы попадем туда сегодня?

— Нет, — сказал Хейдьюк, глядя на песок между своими толстыми былыми коленями, обмотанными слоями грязного бинта, — никогда, — он почесал себе в паху, — никогда.

Смит молчал. Бонни посмотрела на него, ожидая ответа. Он покосился, нахмурился, скривился, почесал обожженную шею, повернул свои зеленые глаза вверх на стену каньона.

— Ну... — сказал он. Послышался звук крапивника.

— Ну?

— Ну, мне бы не хотелось обманывать тебя, Бонни.

— Не обманывай.

— Мы не попадем туда сегодня.

— Ясно.

— Может завтра к вечеру.

— Но мы найдем воду? Я имею в виду, скоро. В этом каньоне.

Смит слегка расслабился.

— Очень может быть, — он предложил ей свою флягу. — Сделай несколько хороших глотков. Там еще много воды.

— Нет, спасибо.

— Давай, давай, — он отвинтил пробку и дал ей флягу. Бонни выпила, вернула ему.

— Нам нужно подобрать наши рюкзаки.

— Возможно, — сказал Смит, — и если у нас получится, мы окажемся в ледяном мешке Фрай-Каньона у епископа Лава, ожидая фургона шерифа. И епископ Лав, этот сдвинутый сукин сын, в одном шаге от губернаторского кресла, как будто этот гад, из-за которого мы тут сидим, и который тут же распродаст штат, еще недостаточно оскотинился.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что такие люди, как Лав и губернатор, не имеют совести. Они продадут родную мать углеразработчикам Экссон и Пибоди, если это им будет выгодно, и сделают из старушек нефть. Вот такие люди, малышка, управляют штатом: христиане, как и я.

— Не позволить им, — пробормотал Хейдьюк. — Я не позволю.

Смит потянулся за шляпой.

— Нам надо идти, друзья, идти на север.

— Я был в плену, — бормотал Хейдьюк. Док приоткрыл глаза, зевая. — Я был в плену у вьетнамцев, — продолжал Хейдьюк. — Четырнадцать месяцев в джунглях, постоянно в движении. Они привязывали меня цепью к деревьям, кроме случаев авианалетов. Я был в худшем положении у этих чурок, чем журналист из французской газеты. Меня кормили заплесневелым рисом, змеями, крысами, котами, собаками, ветками лиан, побегами бамбука, всем, что попадалось под руку. Даже хуже, чем ели они сами. Четырнадцать месяцев. Я был у них санитаром, у маленьких желтомордых ублюдков. Нам приходилось обнимать друг друга в бункерах, сбиваться в кучу, как котяткам, когда прилетали Б-52. Это вроде как помогало смягчить удары. Мы обычно знали, когда они прилетят, но никогда не слышали, они летали очень высоко. Только бомбы. Мы были в десяти, иногда в двадцати футах под землей, но поле этого эти малыши бегали вокруг с кровью из ушей от воздушных ударов. Некоторые сходили с ума. В основном дети, подростки. Они хотели, чтобы я помог им планировать налеты. Я хотел, но у меня не вышло. Тогда они сделали меня своим фельдшером. Половину времени меня тошнило. Однажды я увидел, как они стреляли по вертолету из двадцатифутового арбалета. Сделанного из сбитого вертолета. Они все смеялись, когда сукин сын упал. Я тоже хотел засмеяться, но не вышло. У нас была вечеринка в тот вечер, солдатские пайки и Будвайзер для меня и всех Чарли[8]. Ветчина и фасоль вызвали у них рвоту. После четырнадцати месяцев они выгнали меня, сказали, что я — обуза для них. Неблагодарные коммунистические роботы. Сказали, что я слишком много ем. Что я тоскую по дому. Это была правда. Я сидел в этих гниющих джунглях, играя цепью, и единственное, о чем я мог думать, это дом. И я не имею в виду Тусон. Мне приходилось думать о чем-то чистом и достойном, либо сойти с ума, и я думал о каньонах. Я думал о пустыне вдоль побережья залива. Я думал о горах, от Флагстаффа до Винд Риверз. В конце концов меня отпустили. Потом было шесть месяцев в психушке — Манила, Гонолулу, Сиэтл.

Моим родителям понадобились два адвоката и сенатор, чтобы меня отпустили. В армии считали, что я не приспособлен к гражданской жизни. Я — сумасшедший, Док?

— Абсолютно, — сказал Док. — Засвидетельствованный психопат, если я когда-нибудь видел такого.

— Я получил пенсию. Двадцать пять процентов инвалидности. Травма головы. Лунатизм. У меня должна быть дюжина чеков, ожидающих меня в доме у стариков. Армия не хотела меня отпускать. Сказали, что я должен «пройти курс реабилитации». Сказали, что я не могу носить медаль «За отвагу». В конце концов я сказал, то что должен был, сенатор нажал на Пентагон и меня комиссовали по здоровью. Они в самом деле хотели меня судить, но мать этого бы не пережила. В общем, я освободился из этих тюрем-больниц и узнал, что они делают здесь на Западе то же, что делали в той маленькой стране. И я снова потерял рассудок, — Хейдьюк улыбнулся, как лев. — И вот я здесь.

Тишина. Абсолютная, совершенная. Слишком ясно, слишком спокойно, слишком хорошо. Редкий Гость привстал с корточек, опустил на колени и приложил ухо в земле. Бонни открыла рот; он предостерегающе поднял руку. Остальные ждали.

— Что ты слышишь?

— Ничего, — он посмотрел вверх, на небо. — Но я что-то чувствую?

— На что это похоже?

— Не знаю. Просто что-то. Надо сматывать удочки и линять отсюда.

Док, все еще лежавший в углу, снова зевнул и сказал:

— Я слышу кото[9]. Один кото, одну бамбуковую флейту и барабан. Путь отселе в сердце пустыни. Под дедов можжевельник. Изум-Каи играют Хару-Но-Куоку. Нехорошо, — он вытер свою потную физиономию носовым платком. — Но с абсолютным безразличием. Что соответствует месту и положению.

— Док сходит с ума, — объяснила Бонни.

— Это жара, — сказал Док.

Смит посмотрел в каньон.

— Пойдемте отсюда, ребята.

Повесив флягу на одно плечо, Хейдьюк перебросил через другое веревку. Они встали, Док последним со своей особо ценной черной сумкой, и они побрели в ослепительный свет, сияние полудня, под бесконечный хохот солнца. Смит вел их вверх по каньону, ступая где возможно по камням. Хотя стены каньона были в сотни футов высотой, была небольшая тень. Слишком сухо для тополей. Единственное растение, которое им попадалось, это

дурман с увядшими цветками, высохшие пинии, горец змеиный и скалистый лишайник.

Каньон изгибался влево, вправо, поднимаясь постепенно — надеялись они — к спрятанному роднику, неизвестному источнику, где прохладная вода сочится сквозь поры песчаника, стекает сквозь заросли плюща, плауна, водосбора в ручеек, чтобы напиться, налить в флягу. Они не могли дожидаться момента, когда услышат звук падающих капель, лучший из звуков в этом перегретом коридоре из красных гигантов и камней.

Смит указал на нишу в стене каньона, в пятидесяти футах над ними. Они остановились и уставились на него.

— Я ничего не вижу, — сказала Бонни.

— Ты не видишь маленькую стенку, малыш, с торчащей из нее балкой и маленькую прямоугольную дыру в центре?

— Это что, окно?

— Скорее дверь. Дверь, сквозь которую можно пролезть на четвереньках.

Они смотрели на остатки пещерного города Анасази, брошенного семьсот лет назад, но хорошо сохранившиеся в суши пустыни. Пыль и глиняные черепки ждали там наверху, обожженные кукурузные початки и закопченный потолок в пещере, и старые, старые кости. Четверо бродяг на наклонных плитах песчаника, на безводных скалах, в бесконечных песках, в жаре.

— Может мне стоит вернуться и жить здесь, — рассуждал вслух Хейдьюк. — В пещере с привидениями.

— Я бы не смог, — сказал Смит. Никто не ответил. Все устало тащились вперед. — Фермеры здесь нечего делать, — продолжил Смит. — И бахчеводу тоже. До того, как изобрели земледелие, мы все были охотниками или скотоводами. Мы жили на открытом воздухе, и на каждого было минимум десять квадратных миль. Потом они изобрели земледелие и человеческая раса сделала большой шаг назад. От охотников перейти к земледельцам было падением. Даже хуже. Не бродяга Каин убил сборщика помидор Авеля. Этот сукин сын получил, за то, что он наделал.

— Ерунда, — сказал Док, но он был слишком усталым, жаждущим, изможденным, чтобы прочитать свою знаменитую лекцию о цивилизации и колыбели разума. Никакого шума, кроме шлепанья четырех пар ног.

— Здесь мокрый песок, — сказал Смит, — где-то впереди должна быть вода.

Он вел свою колонну в обход вокруг предательского песка, по нагромождению скал мимо входа в боковой каньон.

Хейдьюк, идущий сзади, остановился и посмотрел в боковое ущелье. Узкое и ветреное, с плоским песчаным дном без растительности, с отвесными стенами около пятисот футов высотой, оно выглядело как путь в лабиринт Минотавра. Небо уменьшилось до узкой полоски облачной голубизны, зажатой между стен.

— Куда этот проход ведет? — спросил он.

Смит встал, оглянулся.

— Куда-то вверх, в Финз, это все, что я могу сказать.

— Это вроде бы куда нам надо?

— Да, но этот каньон побольше и тоже ведет туда, но скорее всего не в тупик. Эта маленькая трещина скорее всего тупик, я их повидал. Отвесные стены в сто футов в конце.

Хейдьюк заколебался, глядя в боковой каньон, затем в душную жару и извивающиеся повороты большого каньона.

— Возможно этот тоже тупиковый.

— Все может быть, — сказал Смит, — но он больше, и скорее всего ведет к воде.

— Откуда уверенность?

Редкий Гость поднял свой длинный беспокойный нос в потоки воздуха.

— Я чувствую ее запах, — он снова показал на влажный песок возле слияния двух каньонов.

— Основная утечка воды идет из этого каньона.

— Мы могли бы найти воду прямо здесь, — сказал Хейдьюк.

— Но воды будет мало, разве что смочить горло, но копать будешь полчаса. Здесь поверхностные воды там, куда мы идем, я чувствую и я ее найду.

— Ладно, Джордж, — сказала Бонни, — если мы не найдем воду в ближайшее время, Док упадет. И я за ним.

Вода. Они все думали только о воде. Она была вокруг. Над ними громадились кучевые и дождевые облака были полны ее в виде пара. Цистерны воды. Над краями плато в трех тысячах футов над Краем Земли за каньонами плыли громадные облака с ниспадающими полосами ливня, которые испарялись не достигая земли. Две тысячи футов ниже и всего в нескольких милях, в глубине каньона Катаракт, Грин и Колорадо несли свои объединенные воды через пороги ревущими тоннами, способными утолить любую жажду, облегчить любую скорбь. Но только если до нее добраться.

Хейдьюк согласился со Смитом. Банда шла дальше, по скалам и гальке, песку и гравию, по террасам гладкого песчаника. Они прошли еще один крутой поворот каньона. Смит остановился осмотреться. Остальные сгрудились позади него.

В трехстах ярдах, где каньон делал поворот, они увидели кучу валунов, размером с небольшое бунгало, наваленных как попало, поперек дна каньона. В дальнем конце этой кучи камней, на верхнем уровне, выделяясь зеленью и живостью, между стен стоял большой прямой тополь. В этом красном лабиринте оно было как дерево жизни. Сеянцы тополя, ивы, тамариска и лаванды очерчивали незаметный отсюда ручей. Слабое благоухание витало в воздухе.

Свет в каньоне, хотя и не прямой, был золотой и теплый, отраженный и преломленный монолитными стенами, где ласточки летали под обрывом кромки каньона.

— Греки, — хрипло произнес доктор Сарвис, безнадежно, пересохшим горлом и сухим языком, — были первыми, кто начал мыслить, — он попытался прочистить горло. Смит взял его за руку.

— Док, — сказал он так тихо, что остальные приблизились, чтобы слышать его, — ты слышишь то, что я слышу?

Они прислушались. Каньон, казалось, был полон абсолютного покоя. Идеального, кристального и вневременного совершенства. Кроме одного слабого изъяна, который нарушал тишину, сопровождал ее но не противоречил. Звук как будто кто-то или что-то дергает басовую струну соль у контрабаса, плохо натянутую. Ритмичное кваканье.

— Что это? — спросила Бонни.

Смит улыбнулся.

— Это звук воды, милая. За теми скалами, за тополем.

— Больше похоже на лягушку.

— Где лягушки, там и вода.

Все уставились на великолепную зелень дерева.

— Ну так пошли, — сказала Бонни, — чего же мы здесь стоим? — Она сделала шаг вперед, Док подался вперед.

— Подождите, — прошептал Хейдьюк.

— Что?

— Не ходите туда.

Что-то в его голосе и позе заставило их замереть. Они снова прислушались. Сейчас тишина стала абсолютной. Лягушка, контрабас, остановилась, и даже нежные листья большого дерева перестали шелестеть.

— Что ты слышишь?

— Ничего.

— А видишь?

— Ничего.

— Так почему?

— Мне это не нравится, — прошептал Хейдьюк, — что-то здесь не так. Там что-то шевельнулось. Я думаю они там, за поворотом, следят за родником.

— Кто они.

— Люди с вертолета. Кто-то. Давайте лучше уберемся.

Бонни смотрела на тополь, тамариск и иву, кучу валунов, ждущих освобождения временем и геологическими процессами, ожидающие следующей катастрофы. Она посмотрела на Смита, оглядывающегося назад, туда, откуда они пришли.

— Что скажешь, Редкий?

— Кто-то спугнул лягушку. Джордж прав.

На красивом лице Бонни появилось страдание.

— Но мы же хотим пить, — пролепетала она, на глаза ей навернулись слезы.

— Небольшое стратегическое отступление, — сказал Смит, ведя их в обратном направлении, по обожженным выгоревшим камням русла, которое не видело воды видимо около семнадцати лет.

— Мы найдем воду, не волнуйся, дорогая. Иди по камням, мы не должны оставлять следов. Мне очень жаль, что так вышло, ребята, но у меня такое же чувство, как у Джорджа, когда лягушка замолчала. Это не просто лягушка, что-то там не так, и нет ничего странного в том, что они могли посадить несколько человек там за поворотом.

Бонни посмотрела назад.

— Почему они нас не преследуют?

— Возможно они знают, что им этого делать не надо.

— Я не понимаю.

— Возможно, мы в ловушке.

— О, нет.

Смит вел их в темпе, то широко шагая, то перебегая, его большие ноги (12 размер) двигались параллельно, слаженно, не теряя ни сантиметра драгоценного расстояния. Бонни и Док волочили ноги за ним, Бонни хлюпала носом, Док все еще бормотал что-то о греках, Пифагоре, пропорциях, нервных центрах, его разум был вне его ног. Хейдьюк охранял тыл, с ружьем в левой руке, его желтая кепка потемнела от пота.

Мы повернули от воды, думала Бонни. Настоящей, жидкой H₂O, в полуквартале впереди. Я видела дерево. Живое дерево, первое за этот день. Дерево с зелеными листьями, как на картинке в книжке. С зеленой лягушкой в зеленом пруду. О Боже, у меня крыша едет. Мой язык стал как, да, как лягушка в горле. По имени Пьер. Слава Богу, мы зашли за поворот. Интересно, язык становится черным, как говорят? Или бордовым? Зубы выпадают, глаза проваливаются, черви заползают сквозь бордовую кожу и так далее, короче, я устала от всего этого дерьма, если мне не дадут большую чашку чая со льдом и долькой лимона, я закричу.

Но она не закричала. Только солнце кричало, в девяноста пяти миллионах миль от них, этот безумный непрерывный вопль водородного пекла который мы никогда, никогда, никогда не услышим, потому что, думал Док, мы рождены с этим ужасом, звенящим у нас в ушах. И когда он прекратится, мы опять же его не услышим. Мы будем... в другом месте тогда. И мы никогда не узнаем. А что мы знаем вообще? Он облизал свои потрескавшиеся губы. Мы знаем о голой скале под ногами, о догматичном солнце над головой. Мир снов, агония любви и осознание будущей смерти. Вот все, что мы знаем. И все, что должны знать? Я оспариваю этот тезис. Чем? Я не знаю.

Мне плевать, думал Хейдьюк. Пусть попробуют. Пусть попробуют что-нибудь, паршивые свиньи. Что бы они не сделали, я с собой заберу семерых на тот свет. Семеро последуют за мной, извините, таковы правила. Он ласково потрогал отполированную рукоятку ружья, которая так удобно лежала у него в руке. Кому нужны их кровавые вонючие законы? Кому нужна их зараженная грязная вода? Я буду пить кровь, если придется. Пусть попробуют, ублюдки, долго будут меня помнить. Здесь я им не позволю хозяйничать, это моя страна. Моя, Редкого, Дока, да, и ее тоже, и пусть только попробуют, я им зубы обломаю, у них будут проблемы. Реальные, серьезные проблемы, у придурков. Придется им провести границу где-то в другом месте, и мы тоже могли бы проложить ее вдоль Комб Ридж, Монумент Анворп, и Блок Клиффс.

Тем временем Смит, сосредоточившись на стоящей перед ним задаче, думал о трех невинных людях, идущих за ним, зависящих от его умения найти воду, пройти сквозь лабиринт Финз, найти путь к Лизард Рок где находится тайник с водой и пищей, а оттуда найти дорогу в Мейз, в безопасность, свободу и счастливый конец.

Внезапно он остановился. Док и Бонни, склонившие головы, Хейдьюк, смотрящий назад, натолкнулись на его спину, как три клоуна в немом кино, три марионетки. Все остановились, никто не произнес ни звука.

Проходя мимо ответвления в боковой каньон справа, Смит заглянул в основной каньон в направлении первого поворота в этом направлении, в пятистах футах. Он вслушивался с напряжением охотничьей собаки в разгар сезона. Тишина, кроме насмешливого крика крапивника, сидевшего сверху на стене каньона, в парализующем застое жары. Но Смит снова услышал звук, скорее даже почувствовал. Топот ног, многих ног, больших ног, шагающих по скале и шуршащих по песку. Может быть эхо? Задержанный каким-нибудь странным акустическим эффектом звук их собственных ног? Не похоже.

— Они идут сюда, — пробормотал он.

— Кто?

— Эти парни.

— Какие парни?

— Команда.

Смит показал им участок темного песка за ними, и прошептал:

— Смотрите, что я буду делать и делайте то же самое.

Он посмотрел на Бонни, на ее горящее лицо и возбужденные глаза, обнял ее за плечо, посмотрел на Дока, пытавшегося сфокусировать взгляд на чем-то невидимом, на Хейдьюка, глядящего по сторонам, сжатого как кугуар и переспросил:

— Всем понятно?

Бонни кивнула, Док кивнул, Хейдьюк прорычал:

— Скорее, — и снова оглянулся назад.

— Хорошо, идем, — Смит повернулся задом и начал пятиться, лицом к ним, по полосе влажного песка. С каждым шагом он делал небольшое усилие на каблук ботинка, погружая его глубже, так что отпечаток оставался как от человека, идущего нормально. Он шел по кривой, идя в сторону входа в боковой каньон, пока не дошел до камня. Там он остановился, ожидая остальных.

Все последовали за ним, пятясь задом.

— Быстрее! — прошептал Хейдьюк. Тяжело ковыляя, подошел Док, глядя на свои большие ноги. Бонни шагала да ним, грациозно и осторожно оставляя следы. Последним шел Хейдьюк. Он присоединился к друзьям. Все четверо стояли на камне и наслаждались

следами, которые они изобрели. Было ясно, что четверо вышли из этого каньона.

— Вы думаете, ловушка вроде этой одурачит толпу взрослых людей? — спросила Бонни.

Редкий позволил себе осторожную улыбку.

— Видишь ли, дорогая, если бы Лав был один, я сказал бы, что нет, его так просто не обмануть. Но с его Командой немного иначе. Один человек может иногда сделать глупость, но настоящая тупость бывает при совместной работе, — он сделал паузу, прислушавшись опять. — Слышали? — прошептал он.

Сейчас даже Док услышал шаги ботинок из — за поворота каньона, гулкий неясный звук, но определенно звук голосов, доносящийся сквозь каменное эхо.

— Это они, — сказал Смит, — пойдете отсюда, друзья мои.

Наполовину на солнце, наполовину в тени они поспешили по голым камням, по тормозящему песку, карабкаясь по разломанным плитам, вверх по бесплодному боковому каньону, который поднимался полого вверх, внезапно сужаясь до почти очевидного тупика. Ловушка внутри западни. По обеим сторонам были голые отвесные стены, с меньшим количеством зацепок и выступов, чем у офисного здания. За каждым очередным поворотом каньона Смит надеялся увидеть выход, он думал, что у него есть десять минут, чтобы найти выход и уйти, десять минут до того, как Лав и Команда решат исследовать эти следы, ведущие оттуда, куда они по всей вероятности должны были пойти. Даже человек, который хочет стать губернатором, не может быть таким тупым.

Каньон вился, петляя в разные стороны. На внешних сторонах каньона стены выгибались, образуя пустоты, глубже и выше, чем голливудская Чаша. На внутренних сторонах изгибов стены были настолько отвесные, гладкие, закругленные, что Смит не видел ни единого пути для подъема. Возможно, человек-муха... А может, человек — Хейдьюк...

Внезапно они уперлись в конец коридора. Отвесная стена преградила им путь — битва выветренного песчаника в шестьдесят футов высотой, извивающаяся наружу над их головами, со стоком или сливом из желоба где ливневые воды, уже собранные на высоком плато, ринутся вниз во всем великолепии, неся с собой землю, грязь, выкорчеванные деревья, валуны и обломки скал. Чтобы залезть на эту преграду человек должен сначала идти под 90 градусов вверх, затем вылезти на карниз, цепляясь, как паук, пальцами рук и ног, бросая вызов не только гравитации, но и реальности вообще. Вызов брошен. Хейдьюк оценил угол наклона.

— Я поднимусь туда, — сказал он, — но это займет некоторое время. Это довольно сложный подъем. Мне понадобятся жумары, стремена, шестигранные гайки, молоток, звездчатый бур, и так далее, короче, все, чего у нас нет.

— Это вода? — сказала Бонни, держа флягу в руке, спустившись на колени и вытянув губы к небольшой впадине под обрывом. Мокрый песок вокруг ее колен был зыбучим, но она этого не замечала. В центре воронки была лужа шириной восемнадцать дюймов, с содержимым,

похожим на густой бульон и с запахом гниения. Несколько мух и блох повисли над супом, несколько червей и личинок комаров изгибались в нем, на дне тенистой впадины едва видимый лежал труп утонувшей сороконожки, восемь дюймов длиной.

— Это можно пить? — спросила она.

— Конечно, — сказал Смит, давай, быстренько наполни флягу, малышка, и мы перецедим ее в мою.

— О, Господи, тутдохлая сороконожка! И меня засасывает... Редкий! — песок, вязкий как желатин, дрожал, булькал и сочился. — Что это?

— Все нормально, — сказал он, — мы тебя сейчас вытащим, наполняй флягу.

Пока Бонни наполняла флягу, Хейдьюк снял веревку с плеча Смита и отступил чуть назад от стены. Он заметил отслоение породы в стене, трещину, идущую вверх достаточно, чтобы зацепиться за извилистый купол над ним, где трение подошв будет достаточным, для последующего подъема. На сто футов у него над головой стена нагибалась, так что он не видел верха, и понять что там можно было только поднявшись.

Перебросив перлоновую веревку через плечи, оставив оружие, он испробовал скалу. Вертикальная у основания стена имела трещину, ширина которой позволяла уцепиться руками, одна над другой, и носком ботинка. Он нажал на пальцы, вставил носок ботинка в щель, уперся коленом, перенес вес на ногу. Подтягиваясь кончиками пальцев он пополз вверх. Правая нога болталась без дела, ей некуда было опереться. Он всунул пальцы выше, внутрь трещины, снова приложил усилие вбок, освободил левую ногу, поднял ее выше и снова оперся на нее. Это позволило ему подняться на два фута. Снова он всунул пальцы, один за другим, почувствовал опору.

Нужно было бы размотать веревку, она ему мешала, но было поздно. Он поднял левый ботинок, заклинил его в трещине. Сил едва хватало, чтобы удерживать его вес. Он повторил способ с пальцами и закрепился лучше. Еще, и еще.

Сейчас он был в пятнадцати футах от подножия стены, песчаник начал закругляться, отходить по градусу от вертикали. Он карабкался все выше... Двадцать футов. Тридцать. Трещина сужалась над ним, сходя на нет, но наклон становился все заметнее. Наконец наступил момент, когда уже невозможно было вставить кончик пальца.

Пора было развернуться лицом к стене, которая закруглялась, как купол собора, под углом около 50 градусов. Иного пути не было. Хейдьюк ощупывал скалу, его пальцы бегали по камню, не находя никакой опоры, никакого уступа, бугорка, трещинки, впадинки. Ничего, кроме шершавого, равнодушного камня. Единственное, что оставалось, это сила трения. Если бы я имел клинья, и все, что нужно... Но ничего нет. Надо рассчитывать на трение. Надо выдергивать ногу из трещины. Хейдьюк колебался. Естественно. Он посмотрел вниз, и это была ошибка. Три бледных лица в тени шляп, три крошечные человеческие фигуры,

глядящие на него. Они, казалось, были далеко-далеко внизу. В руках у них были фляги с водой. Никто не говорил. Они ждали его сползающего, раскоряченного, падающего вниз чтобы разбиться вдребезги о скалы внизу. Никто не говорил, легкое дуновение даже от слов могло сбросить его.

Несколько раз Хейдьюк испытал характерную панику альпиниста без страховки. Тошнотворный страх. Невозможность двигаться, невозможность спуститься, невозможность оставаться на месте. Мышцы левой икры начали дрожать, пот капля за каплей стал стекать с бровей в глаза. Щекой и ухом, прижатым к стене каньона он почувствовал, услышал, разделил биение массивного сердца, тяжелое бормотание, похороненное в горах, старых, как Мезозой. Его собственного сердца. Тяжелый, удаленный ископаемый звук. Страх. Доктор Сарвис, кричал кто-то, много лет назад, голос-призрак, как рычание Минотавра в лабиринте каньонов из красного камня. Доктор...

Подняв голову, Хейдьюк потянулся от купола, перенес вес на правую ногу в ботинке с закругленным носком, ботинок уперся в закругляющуюся скалу — и больше ничего. Он медленно освободил левую ногу, и уперся чуть ниже правой, две ноги держали его вес на склоне. Он стоял, трение действовало. Сейчас ему можно только подниматься. Звук вертолета — вок-вок-вок — раздался из — за стен и куполов, башенок и шпилей. Плевать, это подождет. Двигаясь вверх, шаг за шагом, Хейдьюк думал: мы будем жить вечно. Или узнаем причину, почему нет. Это так много. Безопасность. Сейчас нужна точка опоры для страховки. Он нашел ее сразу же, узкая, но основательная кромка обрыва, где сто или двести лет назад плита не выдержала и упала, нагромоздив кучу камней, возле которой стояли друзья Хейдьюка. Он посмотрел вверх. Вверху был длинный скалистый склон, покрытый скалами в форме гамбургеров на пьедесталах, галечные развалы, островки кустов — скалистая роза, юкка, полуживой можжевельник. Путь лежал сквозь наверх мимо застывших Финз, в сторону (как он надеялся) Лизард Рок и в конце Мейз.

— Следующий! — крикнул Хейдьюк, обмотав один конец веревки вокруг пояса и бросив другой вниз. Веревка опустилась на девяносто футов, тридцать осталось наверху.

Он почувствовал какое-то сопротивление среди новичков внизу, но в конце концов Бонни и Смит уломали запуганного Дока подняться. Смит продел веревку под мышками Дока, привязал его аптечку к ремню, и помог ему сделать несколько первых шагов. Док, естественно, был в ужасе, но чувствовал себя несколько лучше, напившись воды внизу, хоть и теплой и грязной. Он попытался вначале ползти по скале как амеба, но ничего не вышло. Они убедили его просто идти по скале, откинувшись назад, чтобы Хейдьюк просто вытащил его на веревке. Как-то он с этим справился и уселся возле ног Хейдьюка, вытирая лицо.

Следующей была Бонни, нагруженная булькающими флягами.

— Это смешно, — сказала она, — абсолютно смехотворно, и если ты меня уронишь, Джордж Хейдьюк, ты будешь последней свиньей, я с тобой никогда не буду говорить, — бледная и дрожащая, она села возле Дока.

Звук вертолета был слышен на близком расстоянии, меж пиков, куполов и башен, вертолет что — то искал, может место для посадки, но ничего, кроме неземного пейзажа со стоящими скалами, рядами параллельных конусовидных трехсотфутовых камней — Финз. Но, по крайней мере, это не Мейз, думал, наверное, пилот, ведь он, Хейдьюк, тоже не знаком с этими местами, но все же он стоит на своих двоих на твердой опоре. Плюс прочная веревка, соединяющая его с Редким Гостем Смитом, который ждал внизу под полусферой из песчаника.

— Не забудь мое оружие, — крикнул вниз Хейдьюк.

«Доктор Сарвис!», — крикнул кто-то голосом, искаженным мегафоном, разносясь по каньону из какого-то невидимого источника, гораздо ближе, чем раньше. Голос приближался.

«Доктор, вы нам нужны!»

Доктор сидел позади Хейдьюка, вытирая лоб, все еще бледный от напряжения и страха, дрожа, как павшая лошадь, дрожащими руками он пытался зажечь сигару, обжег пальцы, Бонни ему помогла.

— Боже милостивый.

«Доктор Сарвис, где вы, сэр?»

Никто не обращал никакого внимания на бестелесный голос. Кто ему поверит? Каждый из них думал, что он один и в одиночку сходит с ума.

Бонни зажгла спичку, прикурила сигару доктора.

— Бедный Док, — оба акрофоба легли прислонились друг к другу.

— Спасибо, сестра, — пробормотал он, восстанавливая самообладание, — странное место, — оглянувшись вокруг, — голая скала, ничего больше, куда ни глянь. Сюрреалистический мир, да, сестра? Дали. Танги. Точно, Ив Танги, его пейзаж. Что Джордж делает с этой веревкой? Если он не будет осторожен, кто — то может сдернуть его со скалы.

— Он ждет Редкого, любимый. Попей еще воды.

— Смит, — заорал Хейдьюк, — какого рожна ты там ждешь?

— Иду, иду. Страховка готова?

— Давно готова, — Хейдьюк напрягся и ждал.

— Пробую, — веревка натянулась. Хейдьюк стоял прочно.

— Натяни.

— Есть.

Смит полез по стене, перехватывая руками веревку, подтягиваясь, переступая по стене ногами, присоединился к ним и отпустил веревку. Тяжело, но с облегчением дыша.

— Чего ты там внизу делал, — спросил Хейдьюк.

— Нужду справлял.

«ДОКТОР САРВИС, ПОЖАЛУЙСТА, ДОКТОР САРВИС!»

— Что за чертовщина? — сказал Хейдьюк.

— Выглядит как голос господина, — сказала Бонни, — с западным акцентом. То чего я всегда боялась.

— Дай мне ружье, — сказал Хейдьюк, — и пушку.

С неохотой Смит дал.

— Остальные все, идите наверх по склону, — Джордж застегнул пряжку ремня ружья.

— Но Джордж!..

— Идите!!!

«ДОКТОР САРВИС!»

Никто не двигался. Они смотрели вниз, в каньон, туда, откуда доносился голос. Звук тяжелых ботинок шлепающих по гравию и по песку, треск кустов.

«ЭЙ, ДОКТОР САРВИС!»

— Кто-то с мегафоном, — пробормотал Хейдьюк, — какая-то злая шутка епископа.

— Да, но голос не похож на епископа.

— Смотри назад, они послали кого-то сюда. Спрячьтесь все.

Хейдьюк прицелил ружье вниз, нервно передернул затвор, загнав патрон в патронник.

Тишина. Они ждали, глядя вниз, слыша приближающиеся шаги. Появился человек, большой, тяжелый, двести фунтов, шесть футов, потный, небритый, красномордый, возбужденный. Большая фляга болталась на его плече. Он остановился, в одной руке мегафон, грязная футболка на палке в другой, и уставился в тупик каньона, не подозревая о людях сидящих наверху и смотрящих на него. Он был похож на Лава, но не очень. У него не было оружия.

— Чего хочет этот ублюдок? — прошептал Хейдьюк.

— Это не епископ, — сказал Смит, — это его братишка Сэм.

Шепот донесся до человека, он поднял глаза сначала налево, там он увидел только карниз, высотой в двести футов.

— Мы здесь, Сэм, — сказал Смит. — Что ты там делаешь? Заблудился, что ли?

Сэм заметил их, поднял свою футболку на палке как флаг парламентаря. Он поднес мегафон к губам.

Смит поднял руку:

— Мы слышим тебя и без этой чертовой штуковины. Что у тебя на уме, Сэм?

— Нам нужен врач, — сказал брат.

— Я знаю, — пробормотал со злостью Хейдьюк.

— Зачем? — спросил Смит.

— Я знаю, это западня. Смотри назад, Бонни.

Бонни не шевелилась.

— У епископа инфаркт. Или приступ. Я не знаю точно, что это, но по-моему инфаркт.

Доктор с интересом поднял голову.

— Вызовите вертолет, — сказал Смит, — и отвезите его в больницу.

Вертолет летит, но ближе, чем за милю отсюда он не сядет, а врач нужен сейчас.

— Опишите симптомы, — пробурчал Док, роясь в своей черной аптечке.

Бонни положила руку ему на плечо.

— Не надо.

Человек внизу обращался непосредственно к доктору.

— Доктор, — кричал он, — вы могли бы спуститься? Вы нам действительно очень нужны!

— Конечно, — пробормотал Док, моргая, ища свою сумку. Она была привязана у него сзади, — сейчас.

— Нет! — закричала Бонни, — скажи им, что не принимаешь вызовы на дом, а ведешь прием в клинике! — кричала она Сэму.

— Сейчас спущусь, — пробормотал Док, поднимаясь на ноги. Он потянул свою сумку за собой. Его глаза на мгновение прояснились, — Джордж, — сказал он, — веревка...

— Это ловушка, — ошеломленно прорычал Хейдьюк.

— Где веревка, Джордж? — Док взял за конец и стал завязывать большой старушечий узел на животе. Руки тряслись, сигара дымила, — сейчас спущусь, — пробормотал он человеку внизу, но тот не услышал.

— Док!

— Доктор Сарвис, — кричал человек внизу.

— Сейчас спущусь, скажите ему, кто-нибудь. Джордж, дай мне руку. Нам нужен скользкий узел, правильно? Я не помню, как ты его завязывал...

— О, Господи! — Джордж подошел, развязал бабий узел, завязал беседочный, — слушай внимательно, Док, — начал он, — они не смогут доказать твое участие в этом.

— Конечно, нет.

— Нет, слушай меня, — отрезала Бонни. — Это неправильно. Тебя посадят. Я тебя не пущу. Мы все должны, — Бонни сделала широкий отчаянный жест в сторону каменных истуканов; город мертвых, морг Юрского периода, — идти туда. Как — нибудь. Затем в Мейз. Редкий говорит, что нас там никогда не найдут.

— Ничего, Бонни, — сказал он, обняв ее, — у меня хороший адвокат. Дорогой, но очень хороший. Так или иначе, это не может долго продолжаться. Кроме того — я через минуту спущусь! — крикнул он человеку внизу, — есть мой долг, присяга и тому подобная чепуха. Гиппократ не может быть двуличным, так ведь? Я готов, Джордж, опускай.

— Все в порядке, — сказал Хейдьюк, готовясь страховать, — но не говори им ни слова. Не сознавайся ни в чем, пусть сволочи докажут хоть что — то.

— Да, да, конечно. Извини, что нет времени для, хотя, ладно, — Док качнул головой в сторону Смита, — хороший парень. Держи этих придурков подальше от неприятностей. Пока, Джордж. Бонни...

— Ты не пойдешь!

Док улыбнулся, закрыл глаза, попятился назад и слез со скалы. Болтаясь на веревке, с сумкой на ремне, обе руки отчаянно сжаты до белизны костяшек пальцев, Док не раскрывал глаз, слушая наставления Хейдьюка:

— Откинься назад. Редкий, держи меня сзади. Откинься, Док, ступай по скале, отпусти эту чертову веревку, что ты в нее вцепился, идиот! Расслабься, так, так. Двигайся, Док. Вот так.

Бонни смотрела на них, заморожено.

— Док, — пробормотала она.

Док достиг, вернее его опустили вниз. Сэм Лав отвязал его сумку, веревку и помог доктору пройти через камни к днищу каньона. Док помахал на прощанье друзьям и поплелся через каньон бок о бок с Сэмом, который тащил его сумку.

— Скоро увидимся, Док, — крикнул Смит, — будь осторожен и позаботься об этой скотине, епископе, и возьми с него наличными за лечение. Не принимай чеков.

Док плелся, не оглядываясь.

— Пошли отсюда, — Хейдьюк начал сматывать веревку.

— Подожди, — сказала Бонни. — Я пойду с ним.

— Что?

— Ты слышал.

— Вот, дерьмо! Какого-растакого дьявола, мать твою так!

— Не ругайся, пожалуйста. Подстрахуй меня как следует, и все.

— Сейчас, вытащу веревку.

— Меня не надо опускать, как ребенка, я спущусь по веревке, — Бонни запихнула смятую косынку в джинсы под зад, и обхватила веревку ногами (счастливую веревку, подумал Смит). — Просто заткнись и держи веревку крепко, — она продела веревку между ног, забросила ее на плечо, — держи меня, ну же!

— Так у тебя не выйдет. Ты неправильно держишь веревку. И вообще, что ты, черт возьми, делаешь?

— А куда я, по-твоему, иду?

— Ты моя женщина, — голос Хейдьюк стал звучать, как любовный шепот. — Черт! — снова пришел в себя он. — Что с тобой, черт побери?

Бонни повернулась к Смицу.

— Редкий, — скомандовала она, — поддержи веревку.

Смит заколебался, пока Хейдьюк тянул веревку, затянутую на хрупкой фигуре Абцуг.

— Черт, Бонни... — сказал Смит, и прочистил горло.

— Боже мой, — сказала Бонни, — ну что вы за пара слизняков и слюнтяев, в самом деле, — веревка в правильной позиции, один конец на плече у Хейдьюка, она попятилась к обрыву. — Либо вы меня страхуете, либо лезете вместе со мной.

— Господи Иисусе! — фыркнул Хейдьюк, ступая на твердую скалу, расставив ноги для упора.

— Секунду! Не делай этого, — он сердито посмотрел на нее.

— Я не знаю как вы двое выживете без меня. Или как я выживу без элегантного и утонченного изыска разговоров с Хейдьюком, — после паузы. — Деревня! Я иду с Доком.

— Ну ты и стерва! — он потянул за веревку.

— Нет, черт возьми, — она попятилась.

— Джордж, отпусти ее, — сказал Смит.

— Не вмешивайся.

— Отпусти ее.

— Не лезь не в свое дело, Редкий, — сказала Бонни, — я сама справлюсь с этим щенком, — рывок веревки. — Проверка!

— Готово, — ответил Хейдьюк, натягивая веревку. Половина ее длины была свернута у его ног.

Бонни начала спуск по кромке купола, туго натянутая веревка шуршала по ее джинсам и рубашке. Девяносто футов до низа. Восемьдесят. Семьдесят. Только шляпа. Затем ничего. Она исчезла из вида.

— Потрави веревку! — донесся тонкий испуганный голосок.

Хейдьюк потравил веревку.

— Надо было подержать ее там, пусть повисит, упрямая маленькая дрянь. С тех пор как я ее встретил у нас были сплошные неприятности. Черт возьми, Редкий, не говорил ли я с самого начала, что нам не нужно никаких девок в этом предприятии? Правильно, говорил! Ничего, кроме проблем и несчастий.

Веревка дрожала у него в руках, как тетива, прямая линия по Эвклиду, от его бедра до стены каньона.

— Где ты там, — крикнул он. Тишина. — Редкий, посмотри, что эта тронутая там делает?

Снизу донесся жалобный голос:

— ...конец веревки. Отпусти веревку, ты, козел!

Смит заглянул вниз.

— Она почти уже внизу, опусти ее на двадцать футов.

— Боже, — Хейдьюк продолжил отпускать веревку, слезы покатались по его щетинистым щекам, как растаявший жемчуг, вниз к подбородку, — когда вспоминаешь все, что мы сделали для нее, черт бы ее побрал, и вот, когда мы уже почти у цели, она бросает все просто из жалости к Доку. Ну и черт с ней, вот все, что я могу сказать, черт с ней, Редкий, просто пойдём без нее. Черт с ней.

Веревка ослабела в его руках, но он, казалось, этого не чувствовал.

— Она внизу, Джордж, — сказал Смит. — Тяни веревку, она отпустила свой конец. Пока, малышка! — крикнул он Бонни, уходящей к центру дна каньона, в сторону, куда ушел Док.

Бонни остановилась и послала воздушный поцелуй Редкому, с широкой улыбкой на ее милом личике. Она сияла, ее глаза блестели, солнечные лучи играли на ее волосах, она помахала Хейдьюку.

— Пока.

Он мрачно сматывал веревку, не ответив ей. Маниакально-депрессивным психопатам трудно угодить. Он даже не посмотрел на нее.

— Тебе тоже, дурачок, — сказала она весело, посылая ему светлый поцелуй. Он пожал плечами, сматывая свою драгоценную веревку. Бонни Абцуг засмеялась и побежала догонять Дока.

Наступила тишина. Долгая тишина.

— Я вспомнил третье правило, — сказал Смит, улыбаясь угрюмому, злому, чумазому Хейдьюку, — никогда не ложись в постель с девчонкой, у которой больше проблем, чем у тебя.

Лицо Хейдьюка разгладилось, на нем появилась неприязненная, но широкая улыбка.

— Или почти столько же..., — добавил Редкий, говоря сам с собой.

Вок, вок, вок, вок...

Солнечные лучи играли на лопастях, отражались в стекле кабины разведывательного вертолета, который пролетел быстро, как запоздалая мысль, мелькнув в узкой полоске облачного неба между двумя вздымающимися стенами каньона, примерно в миле от них. Вибрация приближалась к ним, круги над ними смыкались, как прозрачное лассо, падающее с небес.

Смит схватил флягу, Хейдьюк подобрал ружье, они полезли вверх на каменистый склон, цифры минут на гигантском лице скульптуры из песчаника, два маленьких человеческих существа, затерянные в безразмерном царстве башен, стен, пустынных улиц,

позаброшенных мегаполисов скал, скал и ничего, кроме скал и камня, не знавших человека тридцать миллионов лет. Можно слышать их голоса в этой бесплодной пустыне в четырех милях, как они уменьшаются, удаляются ниже и ниже, жукообразные микротела в глазах грифа.

Джордж, сказал чей-то тихий голос, непостижимо далекий, но понятный, Джордж, я не думал, что ты сможешь сделать это, когда придется, я думал, ты просто свернешься, как горная устрица, и уползешь как больная змея.

Почему Редкий Гость ты чертов мормон с клювом как у орла, я могу сделать все, что захочу, если я захочу, и более того, они никогда, никогда, абсолютно никогда не поймут меня. И тебя тоже, если я тебе помогу.

Микроголоса угасали, но не полностью, невнятное бормотание длилось миля за милей, миля за милей.

Гриф улыбался своей кривой улыбкой.

— Вы арестованы, доктор Сана, я полагаю, что должен это сказать перед тем, как вы осмотрите Дадли.

Док пожал плечами, возвращая Сэму его флягу.

— Конечно. Где пациент?

— Мы положили его под тем тополем, где остальные люди. Вы тоже, сестра.

Сестра? Бонни на мгновение призадумалась.

— Не называйте меня сестрой, брат, если только вы именно это не имеете в виду. Кроме того, я все еще хочу пить и изрядно голодна, я требую соблюдения моих прав как обычный преступник и если мне их не предоставят, ничего, кроме проблем, здесь не будет.

— Успокойтесь.

— Я не оставлю вас в покое, имейте в виду.

— Хорошо, хорошо.

— Ничего, кроме сердечной боли.

— Хорошо. Вот он, Док.

Пациент сидел возле ствола дерева, большой и тяжелый человек с квадратным англосаксонским лицом скотовода. Джей Дадли Лав, епископ блендинский. Его глаза сверкали, кожа была красная, его распирала радость, волнение, он был как — бы не здесь.

— Здравствуйте, Док, где вы были? Сэм, — сказал он брату, — что я тебе говорил? Я же говорил тебе, что он придет. Я стану губернатором великого штата Юта, так ведь? Промышленность, Доктор, вот девиз нашего штата, «промышленность», и наш герб — пчелиный улей, большой золотой сорокакаратный улей, и с Божьей помощью мы все маленькие пчелки, так ведь, Сэм? Кто эта девица? Так стану я губернатором или нет?

— Вы станете губернатором.

— Стану я губернатором в этом чертовом штате?

— Да станете, ясное дело, Дад.

— Ну ладно, а где остальные? Мне нужны все, особенно этот ренегат джек — мормон Смит. Ты их поймал?

— Пока нет, Дадли. Но мы ждем помощи. Мы связались с полицией, шерифом и ФБР и со всеми, с кем только можно, кроме парковой службы.

— Нет Сэм, я не хочу никакой помощи, я могу поймать этих парней сам. Сколько мне еще тебе говорить? — будущий губернатор Юты посмотрел рассеянно на Бонни, на стетоскоп, висящий у нее на шее, закатал рукав и обмотал руку манжетой аппарата измерения давления. Кровь сочилась из его ноздрей Док посмотрел на свет шприц, набрал лекарство из ампулы.

— А вы красивая. Вы тоже доктор? Как вас зовут? У меня болит рука, левая, до кончиков пальцев. Мы все здесь не хотим, чтобы работники парка возились здесь. Они здесь вообще лишние. Мы трансформируем этот так называемый национальный парк в собственность штата, как только я займу кресло, запиши мои слова, Сэм. Что вы уставились на меня? Валите отсюда. Найдите Смита, скажите ему, чтобы он появился на следующем заседании Общества Взаимного Совершенствования, иначе мы поменяем ему родословную. Хуже нееврея может быть только проклятый джек — мормон. Вы ведь не еврейка, девушка?

— Я еврейка, — пробормотала она, вставляя стетоскоп в уши и глядя на шкалу прибора. Систола, диастола, ртуть и миллиметры, — сто шестьдесят на восемьдесят пять, — сказала она Доку. Он кивнул. Она размотала манжету.

— Вы не похожи на еврейку, вы похожи на Лиз Тейлор, когда она была моложе.

— Вы очень любезны, епископ. Расслабьтесь.

Док вогнал иглу, положив свою большую, спокойную, уверенную руку на влажный лоб епископа.

— Будет немножко больно, губернатор.

— Я еще пока не губернатор, я всего лишь епископ. Но скоро стану. А вы — ой! — вы доктор? Вы похожи на доктора. Сэм, я же говорил тебе, что доктор придет? Так не со всеми

получается. Сэм, мне нравится эта девушка. Как ваше имя, красотка? Абцуг? Это что еще за имя, на американское не похоже. Кто спер мой мотоцикл? Сэм, дай объявление по радио. Внимание всем постам. Описание: в темной одежде, грязный, прыщ на заднице, шрам на мошонке, мешковатые брюки, вооружен и опасен. Кличка Рудольф Рыжий. Кличка Герман Смит. Смит? А где Редкий Гость? Обвиняется в вооруженном ограблении, похищении людей, повреждении частной собственности, промышленном саботаже, незаконном использовании взрывчатых веществ, тайной порче государственного имущества, похищении лошадей и сбросе камней. Сэм? Где ты, Сэм? Где, во имя Морони, Нефи, Мормона, Мосии, и Омни ты ходишь? Что? Что вы сказали, доктор?

— Считайте от двадцати в обратном порядке.

— Со сколько?

— С двадцати.

— Двадцать? Двадцать, так, хорошо. Почему бы и нет? Двадцать... Девятнадцать... Восемнадцать... Семнадцать... Шестнадцать...

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:10:45

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:11:15